

Гоудань еще не успел войти в дом, а до его ушей уже донесся зубодробительный рев. Кто еще это мог быть, если не Ли Бэйшэн — новорожденный Лысик, которому едва исполнился месяц?

В мае девяносто пятого года этот несносный сопляк, вокруг которого Ван Сюань крутился сутками напролет, наконец-то появился на свет. Мальчишка родился недоношенным, но под чутким и бережным присмотром Ван Сюаня все обошлось — и мать, и дитя были в полном порядке.

Гоудань недолюбливал братца вовсе не из-за уродства. Хотя тот уродился таким страшненьким, что Гоудань даже проникся жалостью и решил отложить для него денег — авось, когда вырастет, хоть приданым заманит девку, если лицом не выйдет. Сильнее всего раздражал этот бесконечный плач. Стоило мелкому завести свою сирену, как Гоуданя охватывала глухая ярость.

Он-то надеялся, что с рождением ребенка Ван Сюань наконец переключит внимание, а сам он получит долгожданную свободу. Да черта с два! Тварь мелкая оказалась редкой занозой в заднице.

Услышав, как в замке поворачивается ключ, госпожа Яо заметалась, пытаясь унять сына. Она прекрасно знала: Гоудань терпеть не может детский плач. Стоило ему услышать крик, как он мгновенно мрачнел, хмурился, и лицо его становилось пугающе темным.

Но Ли Сы не раз наставлял жену: старший сын за порогом трудится не покладая рук, и то, что младший родился здоровым да живет в тепле и сытости — исключительно заслуга Гоуданя, который там, во внешнем мире, костями ложится ради общего блага.

Госпожа Яо и сама все понимала. О ней пеклись так, как ни об одной женщине в ее роду. Соседки по палате — холеные городские девицы — откровенно завидовали простой деревенской бабе. Да с ее-то изношенным телом в родной деревне Сикань она бы испустила дух еще до схваток, а если бы и разродилась, младенец не протянул бы и дня.

Она испытывала глубокую благодарность к Гоуданю и Ван Сюаню.

Ли Сы не врал: мужикам снаружи и так тяжело, незачем их тревожить. К тому же госпожа Яо, привыкшая во всем покорно подчиняться судьбе, не видела в этих хлопотах ничего из ряда вон выходящего.

Торопливо подхватив пищаний сверток, она унесла его в спальню и дала грудь. Пусть пока сосет, пока остывает разведенная детская смесь. Своего молока у нее почти не было — накормить прожорливого мальчика досыта она не могла.

Гоудань сбросил уличную обувь в прихожей и зашел в дом.

— Я же предлагал нанять сиделку, так вы уперлись. Самим-то не тошно целыми днями возиться?

Ли Сы лишь усмехнулся, не собираясь затевать спор — нрав сына он знал слишком хорошо. Стариком двигала простая крестьянская бережливость: хотелось сэкономить каждую копейку. Последние месяцы Гоудань вкалывал допоздна, порой притаскивая работу домой, да и Ван Сюань то и дело пропадал на ночных дежурствах.

— Жизнь в столице — штука непростая, деньги ребятам с неба не падали, — проворчал Ли Сы. — Да и чем нам еще заниматься на старости лет в четырех стенах? Нянчить дитя — дело нехитрое. А если еще и няньку нанять, то мы с женой превратимся в бесполезных нахлебников, способных лишь спать да переводить продукты.

Поняв, что упрямого отца не переубедить, Гоудань молча поднялся на второй этаж. Спустился он уже переодетым в просторную домашнюю одежду, когда приходящая повариха как раз водрузила на стол супницу. Пусть Ли Сы уперся рогом против няни, но после родов Яо Юньлань Ван Сюань все же нанял женщину, которая готовила им обед и ужин. Это здорово облегчало быт.

Ван Сюань не мог дежурить у плиты ежедневно, роженице у плиты стоять не полагалось, астряпня Ли Сы была слишком уж топорной.

— Что, не спит еще? — Гоудань покосился на Лысика, которого мачеха баюкала на руках.

Крохотные глазки младенца тупо и бессмысленно пялились в пустоту. Из-за удушливой жары чепчик с него сняли, обнажив абсолютно голую, лишенную даже намека на пушок макушку.

«Ну и уродец, — подумал Гоудань с легким отвращением. — Ни единой волосинки, а кожа красная, точно спелый батат, только что выкопанный из грядки».

— Да где там, — отозвалась госпожа Яо, перехватывая Лысика поудобнее. — Боюсь укладывать раньше времени, иначе среди ночи закатит концерт.

Гоудань снова перевел взгляд на мелкого. За этот месяц Ли Бэйшэн заметно изменился. Он сладко спал и сытно ел, и пусть до упитанности нормальных новорожденных ему было еще далеко, косточки уже обросли жирком. Внешне он стал хотя бы отдаленно напоминать человеческое дитя, а не сморщенный комочек.

Все приходящие гости в один голос твердили, какой чудный растет малец. Гоудань лишь молча крутил пальцем у виска: на этой крошечной сморщенной мордашке и черт-то толком не разберешь, где там нос, а где рот. Обычное лицемерие — врут в глаза родителям, чтобы сделать приятное.

По правде говоря, порода у Ли была невзрачной. Что дядя Гоуданя, что кузены — у всех лица самые заурядные, и никакая чужая кровь этого не исправила. Если судить непредвзято, из всех детей старого Ли только Ли Сы унаследовал отцовские черты, остальные же пошли в бабку — старую госпожу Ли.

Похоже, гены старой госпожи Ли оказались на редкость живучими. При этом сама она красотой не блистала, да и ростом была с вершок. Мужчины в их роду, к счастью, вымахали высокими в деда, но вот лицами почти поголовно пошли в бабку. Единственное утешение — стать богатырская досталась.

Если мелкий пойдет в родню, вырастет знатным страшилой. Разве что повезет уродиться в Ли Сы — у отца лицо было вполне ладным. Сам Гоудань пошел в него: по крайней мере, нос у него прямой и аккуратный, а не бабкин мясистый шнобель над широким ртом. Не дай бог сработает наследование через поколение — тогда пиши пропало.

Конечно, унаследуй он внешность Яо Юньлань — дело другое, мачеха была женщиной видной. За год сытой и спокойной жизни она заметно посвежела, вернув былую прелесть. Но Гоудань не верил, что этому красному батату улыбнется удача. Судя по всему, парню на роду написано быть невзрачным.

Подумав о красоте, Гоудань невольно перевел взгляд на Ван Сюаня. Вот уж кто действительно уродился ладным — смотреть на него было чистым удовольствием.

— Ты чего на меня так уставился? — улыбнулся Ван Сюань. — Лицо испачкал?

— Да нет, чистое, — качнул головой Гоудань.

— Слушай, а когда мелкого можно будет нормально подкармливать? — перевел тему Гоудань.

— Тебя-то я уже в три месяца рисовым отваром поил, — отозвался Ли Сы. — Твоя мать тогда на полевых работах совсем из сил выбилась, вот молоко и пропало...

— То-то я рос тощим, как драная обезьяна, — усмехнулся Гоудань. — А этот? Без году неделя на свете, а уже лоснится. Жирком заплывает со скоростью света.

Только что он сочувствовал уродливому младенцу, а теперь почувствовал легкое раздражение. Повезло же этой мелкой картофелине родиться в сытые времена! Гоудань в его возрасте и знать не знал, что такое сухое молоко.

— Темнота деревенская, — безжалостно осадил его Ван Сюань. — Все младенцы так растут. Если бы взрослый набирал вес с такой скоростью, его бы разбил паралич от ожирения, а для грудничка прибавлять по паре килограммов в месяц — обычное дело. — Он ткнул палочками в сторону тарелки Гоуданя. — Ешь давай быстрее, пока Бэйшэн притих. Или ты за него орать

начнешь? Планирование рождаемости сейчас такое строгое, а мы еще молоды.

Позже, когда они поднялись к себе в небольшую гостиную на втором этаже, Ван Сюань завел разговор:

— Твой отец просил не устраивать пышных торжеств на месяц Бэйшэна. Раз не хочет — не будем. Соберемся своей семьей, позовем Инъю с Дафу, посидим немного. Что скажешь?

— Согласен, — кивнул Гоудань. — С этими банкетам одна морока. Родни у нас в столице почти нет, а звать деловых партнеров да коллег ради младенца — глупость несусветная.

В конце концов, это был всего лишь брат, а не собственный сын, ради которого стоило бы созывать нужных людей и хвастаться продолжением рода.

К тому же через пару месяцев Ли Сы с женой все равно планировали вернуться в Сикань. Они не были дома почти год, и отец уже извелся от тоски по родной земле.

— Ты и без того на работе выматываешься, завязывай возиться с мелким, — негромко произнес Гоудань. — Отец за ним приглядит, да и Яо Юньлань в прошлой семье вырастила кучу чужих детей. У нее опыта побольше нашего.

— Я же врач, — мягко возразил Ван Сюань. — Мое дело — вовремя заметить скрытую патологию. Сейчас Бэйшэн более-менее окреп, так что я со спокойной совестью умываю руки. И не думай, что я горю желанием с ним нянчиться. Когда этот клоп начинает орать, у меня у самого уши вянут.

— А я-то думал, ты любишь детей...

Ван Сюань на мгновение замялся. Мужчины, живущие вместе, обречены остаться без наследников.

— Гоудань, а ты... хотел бы иметь своего ребенка?

— Если ты родишь — с радостью приму, — усмехнулся Гоудань, за что тут же получил шуточный шлепок по плечу.

— Я серьезно, — Ван Сюань покачал головой. — В медицине крутятся свои новости, точно так же, как у тебя в бизнесе. Я слышал, что за границей процветает суррогатное материнство.

— Это еще что за зверь?

— Мужчина сдает семя, врачи берут чужую яйцеклетку, помещают в матку сторонней женщины, и та вынашивает младенца. На выходе получается ребенок, несущий твою кровь.

— Избавь меня от этого, — поморщился Гоудань. — Заводить ребенка с бабой, которую я знать не знаю? Смешать мои выдающиеся гены с клетками какой-нибудь дуры и получить на выходе тупицу? Да я же сам себя со свету сживу от досады. К тому же возиться с писклей вроде этого Лысика... Боже упаси. Я его в доме терплю исключительно ради отца, иначе давно бы за шкуру на мороз выставил.

— Лысика? — Ван Сюань на секунду задумался, прежде чем сообразить, о ком речь. — Ты уже и прозвище ему придумал? Услышит твой отец — обидится. Малыш просто слабеньким родился, у него недостаток ци и крови. Подрастет — обзаведется шевелюрой.

— Да что толку от парня, который сейчас вылитый красный батат?

Ван Сюань лишь тихо покачал головой и рассмеялся. За пару минут Гоудань успел наградить брата охавкой кличек — сразу видно, возиться с детьми у него не было ни малейшего терпения.

— Ладно, там видно будет. Сейчас и законы о планировании рождаемости закрутили до предела, да и молодые мы еще, торопиться некуда.

В свое время Се Сюэ прослыл типичным пухлым книжным червем. Но кто этот импозантный мужчина в безупречно сидящем костюме, золотых очках, подтянутый и с благородным бронзовым загаром?

Гоудань прищурился, оценивающе оглядывая старого приятеля.

— Силен, Се-толстяк... Хотя какой ты теперь толстяк. Ну ты и изменился за пару лет за границей. Прямо не узнать!

Се Сюэ привычно и немного смущенно улыбнулся.

— Не виделись три дня — взгляни на человека заново, — процитировал он древнюю мудрость. — А уж я-то провел несколько лет в самом логове гнивающего капитализма. Пришлось научиться наводить лоск и пускать пыль в глаза, чтобы казаться ярче.

— Похоже, чужбина оказалась не такой сладкой, как о ней грезят?

— Не то слово. Все мои иллюзии разбились вдребезги. Раньше я не понимал поговорку про то,

что вещь на чужбине дорожает, а человек — падает в цене. Теперь я прочувствовал это до глубины души.

— Но твои мучения окупились, — возразил Гоудань. — Ты набрался опыта, привез передовые идеи. На родине таких специалистов с руками оторвут.

Се Сюэ сокрушенно покачал головой.

— Я встречал ребят, которые уехали задолго до меня. Половина вернулась обратно, а вторая половина готова зубами цепляться за границу, прятаться по углам нелегалами, лишь бы не депортировали. Да, единицы пробиваются наверх, но большинство так и гниет на самом дне. Ли Кай, поверь мне, даже в такой богатой стране, как Штаты, низы живут в настоящем аду.

Гоудань не удержался от иронии:

— Ну так за морем и луна ярче светит. Видимо, копаться в тамошних помойках им приятнее, чем жить по-человечески дома.

— В том-то и беда, что так оно и есть, — вздохнул Се Сюэ.

Гоудань принялся неторопливо помешивать кофе, подсыпав туда немного сахара.

— Поначалу я там был, — продолжил Се Сюэ. — Еда паршивая, сон пропал. А к этой гадости, — он приподнял чашку с темной жидкостью, — вообще долго не мог привыкнуть. У нас ведь как принято взбодриться? Заварил крепкого чаю — и порядок. А там приходилось давиться горькой бурдой, причем самой дешевой. Но время шло, и я притерпелся. Страшно подумать, как легко человек привыкает ко всякой дряни.

— А ведь ты тогда оказался чертовски прав, — покачал головой Се Сюэ. — Эти чужеземцы понимают только силу. Будешь с ними вежливым да обходительным — мигом вытрут ноги. Но стоит оскалить зубы и показать, что готов идти до конца, как они сразу поджимают хвосты.

— Так вот почему ты так раскачался? — Гоудань протянул руку и шутливо сжал его каменный бицепс. — С такими банками тебе впору в подпольных боях участвовать.

Се Сюэ весело расхохотался.

<http://bllate.org/book/19654/1996861>